

Вечность выходного дня

Если птица нахохлилась, то жить ей осталось от силы пару часов.

Разговор в больничной палате

У каждого горя свой запах. Старость пахнет мочой, нафталином и пылью. Болезнь — остывающей землей и гнилыми яблоками, нищета — фанерной трухой и дешевым стиральным порошком, безысходность — водочным перегаром и просроченной килькой. От меня пахнет мочой, нафталином, антисептиком, потом и разогретой обшивкой сидений «газели». Болезнью, старостью, безысходностью и километрами городских улиц. Я — фельдшер скорой помощи. Я знаю, что от жизни до смерти всего несколько шагов. Что покой бывает двух видов: приемный и вечный.

— Бригада Мироновой, 187 машина, Миронова, поехали!

На моем будильнике стандартная мелодия звонка, но порой спящий мозг по своей сонной прихоти переделывает ее в другие не менее знакомые и вызывающие раздражение сигналы. Например, голос диспетчера, объявляющего вызов. Миронова — это я. Доброе утро.

Год назад я выпустилась из медколледжа с дипломом фельдшера скорой помощи. Уже почти год работаю на скорой. На скорой

при желании и хорошем здоровье можно заработать на квартиру, но пока я живу в общаге при областной больнице. Мои соседи — медики разной степени квалификации, местные и заезжие. Большая часть из нас работает в больницах и поликлиниках нашего небольшого города, часть понаехала из деревни на учебу, пройдет аккредитацию и вернется домой. До смены остается два часа.

Моя соседка по комнате работает медсестрой в детской поликлинике. У Саши смена начинается в девять, но она встает раньше меня, чтобы сделать укладку, навести макияж и выгладить все стрелочки на белоснежном халате. Мне красоту наводить бесполезно, к концу смены все помнется и смоеется, а халаты фельдшера скорой не носят, примета плохая. Моя форма — это васильковые штаны со светоотражателями и жилетка, расписанная медицинскими символами и буквами «СКОРАЯ ПОМОЩЬ 03», напечатанными на спине той же светоотражающей краской. Васильковый мне нравится. На нем не так хорошо видна кровь, а в дневное время на дороге он довольно заметный. Я открываю холодильник, выгоняю оттуда стайку тараканов, сметаю с полки заготовленные бутерброды в рюкзак и ухожу. От общаги до станции 30 минут пути: 10 на трамвае и 20 пешком. Должна успеть.

Подстанция скорой помощи моего района занимает флигель трехэтажного жилого дома и парковку напротив через дорогу. Вход на станцию найти нелегко, он прячется во дворах, однако местные жители все равно приходят, когда кому-то поплохее, поэтому угадать сложно, есть ли шанс с утра полежать на диванчике в фельдшерской или работа будет поджидать на пороге. Дворами я подбираюсь к серому флигелю с остатками розовой штукатурки и набираю на кодовом замке железной двери две цифры. Дверь открывается.

На первом этаже станции тепло, но сквозняк. Это заставляет диспетчера, дежурящего на селекторе, то одеваться в форменную жилетку и заматываться в шаль, то снимать с себя все теплые вещи. Пациентов пока не видно.

— Дверь! — истерично закричала диспетчер и поплотнее запахнула жилетку.

Селектор при этом она зачем-то включила, усиленный динамиками возглас прокатился по подстанции, и я услышала, как на втором этаже что-то упало и проснулось. Когда низкорослая татарочка Сима кричит в микрофон, игнорировать ее приказы нет никакой возможности. Я развернулась и потянула дверную ручку на себя. Стальная громада неожиданно легко подалась и грохнула на весь первый этаж. Эхо динамиков разнесло весть о моем прибытии на всю подстанцию. Нечто, ранее упавшее, подскочило, матерно выругалось и побежало по лестнице вниз. На всякий случай я убралась с его траектории, ввалившись в диспетчерскую.

— Дверь! — Сима снова истерично завернулась в жилетку, на этот раз по поводу двери в диспетчерскую, и, наконец выдавив кнопку селектора в положение «выкл», добавила: — Вон отсюда!

Я вынырнула из диспетчерской, но заметила лишь неясную тень с широким шагом и взметнувшиеся полы белого халата. Халаты на станции носят только врачи. Сима никому вызов не объявляла, похоже, разбуженному доктору что-то привиделось, сейчас остынет на улице, перекурит и вернется сдавать смену.

Дверь снова грохнула и пропустила внутрь пышнотелую фигуру Анны Ивановны, разом занявшую все свободные промежутки в узком коридорном пространстве. Анна Ивановна влилась в помещение плавно и уверенно, на ее полных щеках расцветал утренний румянец, лицо светилось улыбкой.

— Всем доброе утро! Серафима, какая со мной сегодня девочка работает? — Анна Ивановна немного задыхалась после ходьбы, но выпевать каждое предложение у нее, тем не менее, получалось.

Орать на Анну Ивановну Сима категорически не могла, а потому, опустив глаза, прошипела: «У вас мальчик!» — и швырнула из окошка бригадный лист. Бригадник спланировал точно под светлый взгляд Анны Ивановны, она пробежалась по нему глазами и довольно кивнула. Я с напряженным вниманием ожидала,

когда она озвучит, какая все-таки девочка с ней работает. Наконец Анна Ивановна что-то беззвучно обозначила для себя одними губами, и это что-то на мою фамилию даже близко не походило. Не то чтобы я расстроилась, но, когда Анна Ивановна из коридора перетекла на лестницу, я подхватила бригадник и обнаружила свою фамилию напротив фамилии Айны.

Согласно заведенному порядку, бригады скорой помощи формируются из двух фельдшеров или одного врача и одного фельдшера. Врач или более опытный в команде называется первым номером, а фельдшер помоложе — соответственно, вторым. Третьим и весьма важным лицом выступает водитель, четвертым — непосредственно автомобиль, который большая часть водителей привыкла считать за живое существо и полноценного члена команды. Все эти персонажи меняются друг с другом от смены к смене, кроме водителей, они всегда закреплены за своими машинами. Некоторые фельдшера пытались закрепиться друг с другом, однако спустя десяток совместных смен между собой не сживались и ссорились и снова уходили в свободное плавание. Не знаю, как в масштабе вселенной, а на нашей подстанции фельдшер — существо одинокое.

Я поднялась на второй этаж. Мысли об Айне продолжали меня беспокоить, но чем ближе я подходила к дозправке, тем активнее мой мозг оккупировали мысли насущные и неотложные. Пришло время получать аптеку.

Я — второй номер, а второй номер несет ответственность за расходники и медикаменты. В дозправке заспанная фельдшер Неля выдает мне оранжевый чемодан-аптечку, термоконтейнер с растворами, укладку с наркотическими. В моечной я беру чистое желтое ведро — желтый означает «биологические отходы». На длинном столе рядом с дозправочной вторые номера проверяют комплектацию аптеки перед сменой. В аптеке должны быть ампулы, шприцы, перевязочный материал, системы, катетеры, два жгута и еще целый список значимых мелочей,

в растворнике — флаконы, требующие температурного режима. В желтом ведре скоро будет мусор, оставшийся от жизнеспасующих процедур. Расписываюсь за наркотические, докидываю расходники в укладку, груженная чемоданами, выбираюсь в фельдшерскую и вижу Айну.

Айна считается первым кошмаром подстанции, хотя и выглядит вполне безобидно. Ей на вид лет 70, ходит она неторопливо, но уверенно, всегда завернута в теплую пеструю шаль и темный платок. На ногах у нее адидасовские кеды, разношенные до фасона галош, под галошами — две пары шерстяных носков. Галоши на станции она сняла, расположила болезные ноги на диване как ей удобно и луждает семечки.

Фельдшеру, попавшему в бригаду к старушке Айне, можно лишь посочувствовать. Айна работает на скорой не первый десяток лет, многое знает, много умеет и обладает невыносимым характером. Опыту Анны Ивановны тоже можно позавидовать, но Анна Ивановна совсем не имеет острых углов, текуча и спокойна, как широкая река. Айна будто состоит из одних крючков и зацепок, этими крючками она держится за все, что приносит в этой жизни доход. От дела к делу Айна не может перебраться, кроме как цепляя свободный крючок к новой прибыли, прежде чем отцепиться от прежнего источника дохода. Айну несложно понять, она тянет на себе всю свою многолюдную южную семью, но Анна Ивановна, к примеру, никогда чаевых на адресах не спрашивает, и тем не менее не было адреса, где ей за доброту душевную не подарили бы полбатона колбасы. Айна много делает руками, не отпустит пациента, пока не посмотрит, не послушает, не пропальпирует. Анна Ивановна к больным и близко не подойдет, глядит на хворь как из-за ограждения в зоопарке и делает выводы. В диагностических способностях Айна и доктор считаются равными.

— Это ты? — спрашивает она скрипуче и внимательно смотрит черным дагестанским глазом.

— Я.

— В конце смены лишние шприцы останутся, мне отдашь. — Она отворачивается и сплевывает шелуху. Разговор окончен.

— 187-я машина, Миронова, Айна на вызов, вызов срочный!

Подхватываю сумки, бегу к выходу. Через четыре минуты после назначения вызова бригады на станции быть не должно. Перехожу дорогу на красный, машины тормозят резко, со скрипом, сигналият, но я не оборачиваюсь, мне можно. Я — скорая. На парковке с десяток автомобилей. Это пересменка, обычно их не больше двух. В пересменку все машины возвращаются на станцию, меняются бригады, заправляются сумки, заряжается аппаратура. Механики копаются в моторах и чинят то, что успела поломать ночная смена. В холодное время года на парковке всегда лед, по ночам шоферы моют машины.

Я скольжу по намерзшему за ночь, подбираюсь к машине, размышляя о том, что сентябрь выдался странным. Айна в машине, хотя, кажется, минуту назад спокойно лежала на своем любимом диване и никуда не собиралась уходить от горки налузганной подсолнечной шелухи и развешанных по батарее носков. Со старыми фельдшерами всегда так: не поймешь, в какой момент и куда они телепортируются. В машине Айна достает очередную горсть семечек, надевает очки для близи, озвучивает адрес вызова и требует «покрутить радио погромче». Водитель, тихий и сиплоголосый, из тех шоферов, которые предпочитают не отвечать. Я разглядываю тощую фигуру, выпирающие из-под кепочки уши, вспоминаю, что его зовут Красава-Толян, причем «красава» добавляют, когда под управлением Толи на дороге происходит нечто достойное восхищения или же доезд составляет рекордно короткий срок. Но такое происходит нечасто, стоит отвернуться от Толяна, и о его существовании мозг начисто забывает, едет машина, и ладно. Я отворачиваюсь.

Машина набирает скорость, и вслед за оборотами двигателя мои мысли становятся все обрывочней, а события разворачиваются

и сменяют друг друга с частотой, недоступной адекватному восприятию. Идет смена.

94 года, сердце. 7 минут в пути. Старенькая пятиэтажка, деревянные лестницы. Хозяйка — сухая старуха на инвалидной коляске — сидит, завалившись на одну сторону, прикрыв глаза, как очень уставшая птица.

— Где болит, бабуль?

— Сердце... В левое ребро... — Голос — скрипящие половицы.

Оставляю сумки на изрезанном щелями деревянном полу, с опасением присаживаюсь в готовое трухой рассыпаться плетеное кресло. Паспорт, страховой. Пока первый номер проводит опрос, надо успеть записать данные.

— На вдохе усиливается?

— Да...

Айна выбрала себе место поближе к батарее и дневному свету, сняла свои кеды-галoши, закинула ноги на мой чемодан, думает. Снимает и снова надевает очки. Диагноз ясен.

— Это не сердце, продуло тебя. Кеторол ей, Маш. В больницу поедем?

— Это куда?

— На Мирную.

— Далеко... Я обратно не доберусь.

— А родственники?

— Внучка год назад замуж вышла и съехала... За укольчик спасибо...

— Вот здесь распишитесь, пожалуйста.

Выходим на улицу. Недомогание бабушке обезболили, кеторола хватит на полчаса, потом надо выпить еще таблетку или сходить уже в поликлинику, где терапевт пропишет подходящее лечение. До аптеки она не дойдет, до поликлиники тоже. Я больше не увижу ее, скорее всего, а мне порой не хватает знаний о том, что происходит с пациентами после того, как мы их покидаем.

За год их объезжено столько, что мой мозг думает — после они просто перестают существовать.

* * *

15 минут в пути. Задержка вызова — два часа. Частный дом, не достроен. Встречает дочь. Женщина в возрасте, значит, мама совсем уже в годах. Пахнет выпечкой, чем-то неуловимо детским. Одиночеством и потерянностью не пахнет, здесь каждый кому-то нужен. Боль есть, тревога, беспокойство. И дети. Да, здесь живут дети.

«Плохо, температура, сердце, болит нога». Глюкоза 7,7, фибрилляция предсердий, бледность, изъязвление левой конечности. Минуту Айна задумчиво смотрит на больную, как будто не видит, а затем внезапно находит ответ:

— В ноге тромб, в сосудистый.

И мы летим по встрече под завывание сирены, легковушки шарахаются в сторону, кто-то гневно сигналист. Я в салоне с пациенткой, Айна на переднем сиденье, это она распорядилась ускориться, вот Толян и едет со светомузыкой. Машину трясет на разбитом асфальте, мимо проносятся многоэтажки, на переходе — красный, носилки скрипят, бледные потные пальцы вцепились в брезент. Спит или без сознания? Считаю пульс, сбиваюсь, трясусь за плечо. Нам не подчиняются ни жизнь, ни смерть, а мы вынуждены принимать решения, которые могут спасти, могут убить, но чаще оставляют все как есть.

Хирург в сосудистом интеллигентно опрятен и никуда не спешит. Меняет перчатки после каждого больного, очередь быстро подбирается к нашей. Ему времени для диагностики надо еще меньше, чем фельдшеру Айне.

— Нет тут никакого тромба. Диабетическая стопа.

Отписывает, направляет в гнойную хирургию, это на другом конце города, исключить рожистое воспаление, потом еще куда пошлют. Больше сирену не используем, это когда Айна думала

на тромб, намертво перекрывший кровоток в сосуде. От рожи нога в ближайшие два часа не отвалится. Катать пациента из больницы в больницу при нашей работе одно удовольствие, если он, конечно, стабилен, главное — к обеду успеть.

В планшете обновляю статус бригады: «Вернуться на подстанцию».

— Айна, я поесть-то успею?

— Попробуй.

Айна достает свои банки и контейнеры из холодильника, накрывает поляну. На обед у нее каша в одной банке, в другой — фаршированный перец, к чаю варенье и осетинский пирог. Я Айне понравилась. Она меня приглашает угоститься и разрывает пирог на кусочки заскорюзлыми пальцами, ножа на станции нет и никогда не было.

— Тебе сколько лет? — Айна резко вскидывает на меня колючий черный глаз с белым пятном на радужке.

— Д-двадцать четыре, — растерявшись, я даже пересчитываю годы, чтобы не соврать.

— Старовата, — бормочет старуха, проворачивая в уме какую-то внутреннюю бухгалтерию. — Гуляешь?

— Что?

— Не, глаз скромный. Вот если нервы... У тебя дистония?

— Откуда вы...

— Переживаешь, сгоришь. Мужика пора заводить.

— Да я на квартиру все никак не... — понимаю, что старуха шутит, пытаюсь улыбнуться, Айна серьезна, сосредоточенна, а на слове «квартира» заметно оживилась.

— Успеешь, — обрывает она, — у меня внук твой однолеток, свести бы вас...

И молча впивается в меня глазами. Взгляд скользит по моей фигуре, я следую за ним, углубляясь в извилистый ход ее мыслей, и вдруг обнаруживаю свой облик, описанный цепкими крючками-мыслями старухи. Упряма. На квартиру, может, и заработает,

а пока руки не знает куда девать, еще и худоба, вегето-сосудистая дистония, намучается внучок с ней. Да и характер! Вон как зыркает! А таз широкий, детей хорошо родит... Да и не горских кровей. Айна еще раз взвешивает, решительно ставит на мне крест и закрывает глаза.

Кухня пахнет хлоркой и клопами (примерно так производители чайных пакетиков представляют себе аромат клубники). Торопливо пью чай, телепатически ощущая, как на центральной без перерыва звонят телефоны. Диспетчер снимает трубку, передает вызов на подстанцию. Селектор шипит, как обостренный астматик: «Миронова, поехали!». Не успела.

— Вызов уличный, остановка в сторону аэропорта. Что у нас с укладкой?

— Катетеров нет.

— Совсем?

— Да.

На остановке пустой троллейбус, кондукторша поддерживает за локоть старушку, божий одуванчик.

— Я в троллейбус, а они... вытолкнули, и в ребре хрустнуло.

Загружаю бабу в салон, от души хлопая дверью. Потом, когда мне выпадет счастье ехать на иномарке, испуганный водитель перекрестится и выдаст неизменное «это вам не жигули».

— И завезли куда, непонятно, и как отсюда добираться, денег-то на такси нет... — жалуется нараспев, кивая головой на каждом слове. — А чего стоим-то, дочка?

— Пробка.

— У вас же сирена?

— Только на экстренный. Будет кто умирать — включим.

Склоняет голову набок, пару минут раздумывает, подгребает к себе сумку и уверенно дергает ручку двери.

— Пойду я, моя остановочка.

С переднего сиденья разухабистое фельдшерское: «Скатертью дорожка».

— Стойте, вы куда?! — чувствую себя одиноким адекватом в этом дурдоме на колесах. — Нельзя так! Я что потом скажу, когда спросят, куда пациентку дели? «Вышла на перекрестке?»

И вправду вышла. Айна заглядывает в салон, смеется золотыми зубами:

— Сбежала? Бывает, у нас код на случай «09-ушел из машины».

Убираемся с перекрестка, находим дорогу поспокойнее, тормозим на обочине на аварийках, берем следующий вызов. Надо, кстати, коды повторить, я достаю из кармана блокнот со шпаргалками: «01-оставлен на месте, 02-отказ от госпитализации, 03-отозван диспетчером, 05-дверь не открыли» и еще 11 штук на все ситуации.

Статус — «Бригада свободна. Решение. Возвращение». На полдороге вызов. «Задыхается. Пневмония? Бронх. астма?»

Дед худой до восковой желтизны над выпирающими костями, серые глаза-блюдца на истощенном лице. Верхушки легких заливаются свистом, в нижних отделах — тишина. «У него вроде онкология, а может, и нет, ждем очереди на МРТ». Электроды кардиографа не держатся на остро выступающих ребрах, с трудом записываю кардиограмму — норма. Дыхание в нижних отделах легких не прослушивается. Гемоторакс? Ателектаз? Когда фельдшер сомневается в диагнозе, он набирает старшего врача. Айна знает, что ей скажут, за годы работы она впитала в себя все их знания и опыт, старшие врачи ей не нужны.

— Гидроторакс и в дежурную терапию.

— У них даже пульмонологии нет!

— Кислород.

Приемник в Клиниках открыли только вчера, строительная пыль тут же забивает бронхи. К хирургу очередь из стонущих, истерящих, беспомощно жмущихся по углам. Врач мечется по приемному, громко ненавидит скорую, завалившую его срочняками. Рентген не сделан, и он размахивает перед носом фельдшера кардиограммой.

— Какой гидроторакс? Вы там бензина нанюхались всей бригадой?

И выпроваживает за дверь.

Вывозим дедулю на коляске, родственница растерянно подерживает колесо. Куда им теперь и что с ним? Знать бы, а неизвестно. Айна тянет ее в сторонку за локоть. Родственница, отойдя от больного, тут же срывается в путаный рассказ, повторяя про очередь на обследование и онкологию под вопросом.

— Рак у него, — говорит Айна, просвечивая черным глазом грудную клетку.

— А МРТ... — жалобно тянет племянница или дочь.

— Мне видно, — обрывает Айна, — долго ждали. В глаза смотрит ему, видишь? Глаз как блестит, метастазы в печени, печень желчь под кожу гонит, и мозг отравило, все, нет печени. Теперь только помогать.

Родственница накидывается с вопросами, Айна отвечает. Ее объяснения сводятся к тому, что рак с метастазами в печени лечить — только мучать, а паллиативную помощь никто лучше родственников не окажет. Что в стационар по скорой их теперь не возьмут, потому что скорая в онкоцентр не возит, это поликлиника направление дает, и поликлиника виновата, что у них больные по несколько месяцев в очередях стоят. Что деду совсем скоро понадобится ставить системы, сбивать температуру и сливать мочу, и нужен для этого на дому свой медработник.

— Короче. Надумаете, помогу. — И решительно диктует свой телефон.

В свободное от первой и второй работы время, а подрабатывает она, торгуя на рынке, Айна ходит по домам и ставит хроникам за отдельную плату капельницы. Клиентов она набирает на скорой. Системы у Аины стоят дорого, но родственники на услугу соглашаются, Айна умеет продать. За совет и человеческое отношение родственники подсовывают ей в карман купюру, я отворачиваюсь. С фельдшерами Айна никогда не делится.

* * *

— Убейте меня... Яду дайте... Сил уже нет никаких...

Она похожа на очень старое кривое дерево, морщинистое, не раз битое молниями, с хрупкими толстыми наростами коры и звенящими жилами.

— Я уж ей говорила... Убей меня... Хотя вы, а?

— Мама, что ты такое говоришь! — дочка, а может, внучка. — И так целыми днями, то яду ей, то убей меня.

Она не может ходить, у нее отекает, будто высеченное из камня лицо, ноги — деревянные колодки, вода сочится по мелким язвам, на пятке гнойный пролежень. Я смотрю на нее и понимаю, что смогла бы.

Набираю шприц, натягиваю прозрачную кожу, вены скользят под ней, как будто стеклянные. Они стекло и есть, хрупкие и скользкие, едва заденешь иглой, под кожей надувается синяк.

— Войну... Выжила. Всё бросили. Наши бросили... И потом... Жила. И в Донбассе... Выжила. Хватит с меня, а? — И смотрит безумными заплаканными глазами.

— Мы ее вдвоем не утащим. Мужчин бы, на носилках нести, есть в подъезде?

— Да откуда?

Выглядываем из окна во двор.

— Вот здесь молодые люди пиво пили, где они теперь?

Может, синяя люстра напомнила им полицейскую машину, а может, ассоциативный ряд был иным, но только на лавочке больше никого нет.

Раньше на скорой были ставки выездных санитаров, сейчас нет, сократили. Водителю машину покидать нельзя. Старший фельдшер старается писать бригадник, чтобы из фельдшеров в машине был хотя бы один мужчина, но это далеко не первоочередной момент из тех, что в бригаднике сложно предусмотреть. Начальство рекомендует привлекать прохожих и соседей

для носилочной транспортировки. Человека средним весом килограммов 70 унесут трое-четверо мужчин, в бабушке 60 где-то, если на мягких носилках, троих все же надо. А представьте теперь, если сто тридцать? Бывают и такие.

— Может, волонтеров? Я не знаю... — беспомощно смотрю на Айну, старуха спокойна, что-то вычисляет про себя.

— Довели! — вдруг срывается она на дочку. — Ногами идти не может! А мы вам носильщики или кто? Мы скорая!

Дочь извиняется, говорит что-то про санитаров и что в прошлый раз были два парня-фельдшера, вот она и подумала...

— Нет у нас санитаров! — обрывает ее Айна. — Уволили. У меня девочка сорок пять килограмм, а я вам что, семижильная? Носилки — это мне, кресло компьютерное — дочке.

Спускаюсь в машину, беру мягкие носилки-волокуши, поднимаюсь в квартиру. Девятый этаж, лифт грузовой. Все равно сложно.

Айна уже распоряжается с доставленным офисным стулом, расстилает на нем волокуши, подкатывает приспособление вплотную к постели больной, обхватывает короткими руками такую же древнюю, как и она, старуху и швыряет ее в кресло, удерживая одно колесико ногой. Дочь тем временем дозвонилась в соседнюю квартиру, привела оттуда добровольца, жилистого мужика средних лет в растянутой майке-алкоголичке и трениках. Айна пристраивает его к стулу спереди, сама упирается сзади, вдвоем они переваливают стонущую пациентку через порог, вывозят из квартиры, спускают на лифте. Пандус в подъезде для инвалидов не предназначен, уж больно наклон крутой.

— Толкай! — командует Айна и торопится вниз, ловить съезжающую по склону старушку.

Больная кричит, Айна наготове, подхватывает съезжающее кресло, кружится с ним по подъезду, тормозя инерцию, сосед снимает происходящее на телефон.

*Выражаю благодарность людям,
самоотверженно вычитывавшим этот текст
на этапе его создания: Ирине Ким и Денису Орехову;
Евгению Бабушкину за идею книги;
моим коллегам-медикам за предоставленный материал.
Отдельная космическая благодарность Дмитрию Емцу
за безжалостную редактуру. Perigrinatio est vita.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вечность выходного дня.....	3
Я вас не слышу.....	23
Несрочный вызов.....	39
Мама, я на вызове!.....	59
Пропавшие ноги.....	78
Во имя жизни.....	90
Фельдшер в камуфляже.....	109
Вторая ночь.....	121
Вышел ежик из тумана.....	137
Перевозчики.....	155
Цыпленки хотят жить.....	169
Неопалимые.....	179
Таблетки от кашля.....	191
Что в имени тебе моем.....	200
Больная совесть.....	214
Жмуренок.....	236